

УДК 82-312.4:323.28

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-89-101

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА»
В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ:
К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЖАНРОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ**

Норец М. В., Солодилова В. В.

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Симферополь, Российская Федерация

mnorets@yandex.ru, solodilova.vv@mail.ru

Статья посвящена исследованию трансформации ключевых образов политического насилия – «революционера» и «террориста» – в массовой литературе. В последние десятилетия наблюдается заметный рост интереса к темам терроризма и революции, что обуславливает необходимость переосмысления традиционных нарративов шпионского жанра. При анализе ключевых понятий исследования – революционера и террориста – прослеживается диахроническая эволюция этих архетипов: от романтизированных героев приключенческой прозы XIX в. («Алый Первоцвет» Э. Орци) до сложных антигероев современных шпионских романов с террористической тематикой («Террорист» Дж. Апдайк). В статье проанализирована возможность использования приключенческих шпионских романов с элементами террора в качестве основы для формирования современного жанра *террористического шпионского романа*. Приключенческие романы о революционных деятелях («Овод» Э. Войнич, «Скарамуш» Р. Сабатини) стали связующим звеном между шпионским романом и новым субжанром *террористического шпионского романа*, где террорист занимает центральное место в сюжете. В ходе исследования авторы сопоставляют цели и мотивы жертвенности революционера и фанатизма террориста, применяют историко-идеологический подход к смене идеологических парадигм, что дает основание разделить устоявшиеся в массовой литературе модели «революционер» и «террорист» на два полюса – этический (борьба за идеал) и прагматический (насилие как инструмент).

Ключевые слова: массовая литература, образ героя, революция, революционер, терроризм, террорист, шпионский роман.

ВВЕДЕНИЕ

Шпионский роман, будучи жанром, активно реагирующим на изменения в политической и социальной сферах, служит зеркалом для отражения актуальных проблем общества [18, 19]. В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов на международной арене, шпионские романы становятся не только развлекательными произведениями массовой литературы, но и важными культурными артефактами, способными формировать общественное мнение о терроризме и его мотивах.

Термин «терроризм» в современном дискурсе представляет собой многозначное и контекстуально-зависимое понятие, которое активно используется как в научной, так и в массовой литературе. Для более глубокого понимания феномена терроризма следует сфокусировать внимание на социальных, политических, культурных и исторических аспектах термина «терроризм», а также на его интерпретации в контексте шпионских романов. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью понимания того, как массовая литература отражает и формирует общественное сознание относительно терроризма, а также его влияния на восприятие международной политики.

Современная массовая литература, включая шпионские романы, служит важным индикатором общественных настроений и представлений о терроризме. Шпионские романы часто используют терроризм как центральный элемент сюжета, что позволяет авторам исследовать сложные моральные и этические дилеммы. Таким образом,

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ...

терроризм в массовой литературе становится не только сюжетным ходом, но и средством для анализа социальных, политических и культурных изменений в социуме. В данном контексте особое внимание заслуживает фигура героя, который может быть представлен как революционером, так и террористом. Несмотря на схожесть их целей – свержение существующего порядка и изменение социальной реальности – эти два типа персонажей различаются как по своим методам, так и по моральной оценке со стороны общества. Массовая литература играет значительную роль в формировании общественного мнения о данных фигурах, что подчеркивается в работах современных авторов шпионских романов. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию не только литературных традиций, но и социальных процессов, происходящих в современном мире.

Вопрос о соотношении революционной деятельности и терроризма представляет собой актуальную проблему не только в области политики, истории и социологии, но и в области литературоведения. Политика революционного террора всегда интересовала ученых через призму исторического опыта, – к примеру, в сравнении исторического опыта Великой Октябрьской и французской революций [10].

На сегодняшний день, в условиях политической нестабильности и в процессе глобализации, термины «революция» и «терроризм» становятся все более взаимосвязанными. Цель данной статьи заключается в исследовании вопроса: является ли революционная деятельность проявлением терроризма в современном понимании этих понятий, с особым акцентом на их интерпретацию в массовой литературе. Также в статье будут проанализированы такие классические произведения как «Алый Первоцвет» баронессы Эммы Орци и «Овод» Этель Войнич, с целью выявления их роли в формировании зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа*. В рамках исследования будет рассмотрен контекст, в котором данные произведения были созданы, а также их тематические и жанровые особенности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Существует множество точек зрения на связь между революцией и терроризмом. Революционные действия могут включать террористические элементы, однако не всякая революция является террористической. Стоит отметить важность контекста: революция может быть направлена на свержение угнетающего режима, тогда как терроризм зачастую воспринимается как средство насилия ради достижения узких политических целей. В контексте массовой литературы этот вопрос также становится предметом обсуждения. В шпионских романах и других произведениях массовой культуры часто наблюдается смешение этих понятий.

Важным аспектом нашего исследования является разграничение понятий «революционный террор» и «терроризм».

Польский ученый Бернгард А. в своей работе «Стратегия терроризма» трактует понятия «террор» и «терроризм» следующим образом: «*Террор* является насилием и устрашением, используемыми объективно более слабыми в отношении более сильных. *Терроризм* – это деятельность, насильственные акты, совершаемые против отдельных граждан или объектов» [6].

Революционный террор часто рассматривается как средство борьбы за социальные изменения и политические преобразования, в то время как терроризм может быть

направлен на создание страха и дестабилизацию общества без четкой политической программы. Это различие имеет ключевое значение для понимания мотивации героев произведений массовой литературы.

В романе «1984» Джорджа Оруэлла революционные действия сопротивления представляются как форма борьбы против тоталитарного режима, в то время как методы подавления этого сопротивления могут быть охарактеризованы как террористические [20]. Современная массовая литература активно использует образы революции и терроризма для создания напряженных сюжетов. В этом контексте стоит обратить внимание на работы таких авторов, как Сьюзен Коллинз и ее трилогию «Голодные игры», где революция против угнетения представлена сквозь призму насилия и террора [14]. Это произведение демонстрирует, как революционные действия могут восприниматься обществом как форма террора, особенно когда они сопровождаются жертвами среди мирного населения.

Для понимания различий между революционером и террористом в контексте шпионского романа необходимо обратиться к *социокультурным* и *политическим* аспектам термина «терроризм». Как отмечает М. М. Бахтин [4], литература часто отражает сложные моральные дилеммы, с которыми сталкиваются герои. Из этого логично понимать, что герои литературных произведений могут быть оценены через их действия и мотивы. Герои шпионских романов – это сложные персонажи, чьи действия и мотивы позволяют читателю глубже понять природу конфликта. В контексте террористического шпионского романа герой становится связующим звеном между двумя мирами: миром революционеров, стремящихся к изменениям, и миром террористов, использующих насилие как инструмент манипуляции. Анализируя действия и внутренние конфликты этих персонажей, читатель может получить представление о том, какие факторы определяют их выбор.

Терроризм не относится к повсеместным явлениям. Использование этой тактики предполагает набор социокультурных и политических характеристик общества. Если эти характеристики отсутствуют, тактика терроризма реализована быть не может. Массовая литература, как один из основных каналов формирования общественного сознания, играет важную роль в формировании представлений о терроризме [11]. В произведениях, охватывающих эту тему, часто прослеживаются *социокультурные факторы*, способствующие возникновению террористических группировок. Например, авторы литературы могут акцентировать внимание на социальном неравенстве, культурной маргинализации и политической репрессии, которые служат катализаторами радикализации отдельных индивидов или групп [5]. Следует также отметить, что массовая литература не только отражает существующие стереотипы о террористах, но и формирует их, – литература имеет способность как усиливать, так и подрывать необъективность, создавая образы террористов как «других». Таким образом, массовая литература может способствовать созданию мифов о террористах, что приводит к упрощению сложных социальных процессов. *Политические аспекты* терроризма также занимают важное место в массовой литературе. Многие произведения рассматривают терроризм как следствие политических конфликтов и идеологических противоречий [5]. В британском законе о терроризме 2006 г. (Антитеррористический акт Великобритании 2006 г.) термин «терроризм» получил следующее определение: *терроризм* – это действие или угроза, призванная влиять на правительство или запугать общественность. Его цель – продвигать политическую, религиозную или идеологическую причину.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ...

Под этим углом зрения литература становится площадкой для обсуждения вопросов власти, легитимности и сопротивления. Авторы используют нарративные стратегии для критики существующего политического порядка и выявления механизмов манипуляции общественным мнением. Массовая литература может выполнять функцию политической активности, предоставляя читателям возможность осмыслить сложные политические реалии. Это подчеркивает важность литературы как инструмента для анализа и критики политических систем, что позволяет читателям более глубоко понять причины и последствия террористических актов.

Еще одним важным этапом нашего исследования является сравнительный анализ образов террориста и революционера в контексте шпионских романов. Революционер часто изображается как идеалист, движимый высокими целями, тогда как террорист зачастую представляется как безжалостный манипулятор. Однако эти образы могут пересекаться, что подчеркивает сложность человеческой природы и многообразие мотиваций.

Сравнительный анализ «революционера» и «террориста» в массовой литературе

Согласно концепциям постмодернистской теории, герой шпионского романа часто представлен как амбивалентная фигура, обладающая сложной моральной природой. В этом контексте главные герои могут быть интерпретированы как отражение двойственности человеческой природы, где террористические действия могут восприниматься как форма сопротивления угнетению. Таким образом, термин «революционер» и «террорист» становятся взаимозаменяемыми в зависимости от точки зрения и контекста. Вопрос о различии между революционером и террористом является актуальным для изучения массовой литературы, так как эти два типа персонажей часто пересекаются в контексте политических конфликтов. *Цели, методы и идеологии*, движущие каждым из них, а также их *психотипы* и *социальный статус* представляют собой важные аспекты, требующие внимательного анализа. Наше исследование также направлено на сравнительное исследование этих двух фигур в массовой литературе, опираясь на примеры из классических произведений, таких как «Алый Первоцвет» баронессы Эммы Орци [21] и «Овод» Этель Войнич [8].

Революционеры, как правило, стремятся к радикальным изменениям в обществе через массовое движение и организованное сопротивление. Их *цели* часто связаны с идеалами свободы, равенства и справедливости. В революционно-романтическом романе «Овод» Этель Войнич главный герой Артур является примером революционера, который борется за освобождение своего народа от угнетения [8]. Его действия направлены на создание нового социального порядка, в котором будут соблюдаться права всех граждан.

Революционер в шпионском романе часто изображается как идеалист, стремящийся к созданию нового общества. Его действия мотивированы высокими целями, такими как свобода, равенство и справедливость. С другой стороны, террористы используют насилие как средство для достижения своих *целей*. Их действия зачастую направлены на запугивание населения или дестабилизацию существующего порядка. По мнению американского криптографа, писателя и специалиста по компьютерной безопасности Брюса Шнайера, целью терроризма является всеобщий страх, иногда для достижения политических целей, иногда из лютой ненависти. Писатель считает, что убийство людей

в террористических актах не является целью террористов – это сопутствующий ущерб. Их целью также не является взрыв воздушных или наземных транспортных средств – это всего лишь методы достижения цели. Настоящей мишенью террористов являются все остальные, миллиарды людей, не убитых в террористических актах, но находящихся в ужасе из-за этих убийств. Настоящая цель – не сам акт, а реакция социума на него. И социум делает в точности то, что хотят террористы [13].

В романе «Алый Первоцвет» Эммы Орци террористическая деятельность представлена через призму личных интересов и мести, что подчеркивает разницу в *мотивации* между революционерами и террористами [21]. Таким образом, можно утверждать, что террористы действуют в рамках узких, эгоистичных целей, тогда как революционеры стремятся к более широким социальным изменениям.

Идеология революционера обычно основывается на философских учениях о справедливости и равенстве. Например, марксистская идеология служит основой для многих революционных движений, где акцент делается на классовую борьбу и необходимость свержения угнетателей [16]. В то время как террористы могут использовать идеологию как оправдание для насилия, зачастую искажая ее с целью достижения своих целей. В этом контексте важно отметить, что идеология террористов может быть более фанатичной и ограниченной по сравнению с революционерами.

С ростом исламистского экстремизма и глобального терроризма изображение террористов в массовой художественной литературе изменилось: их стали изображать как религиозных экстремистов, движимых извращенной интерпретацией своей веры. Этот сдвиг можно увидеть в современной популярной литературе и средствах массовой информации, где террористов часто представляют фанатиками, готовыми совершать аморальные действия во имя своих убеждений. Возникновение таких группировок, как Аль-Каида и ИГИЛ (запрещенные в России террористические организации), еще больше укрепило этот образ исламистского террориста в художественной литературе. Одной из ключевых причин такого изменения в изображении является растущая распространенность реальных террористических атак, совершаемых исламистскими экстремистами. Эти нападения оказали глубокое влияние на общество и сформировали стереотип восприятия террористов в массовой литературе. Страх и неуверенность, окружающие эти нападения, привели к демонизации исламистских террористов, – в произведениях авторов современных шпионских романов изображаются величайшими злодеями, которых необходимо победить любой ценой. Стоит отметить, что корректность такого стереотипа сомнительна, так как «демонизация террористической угрозы, искусственное придание ей особой важности направляют общество по ложному пути» [Цит по: 12, с. 104].

Психотипы революционеров и террористов также имеют значительные различия. Революционер часто изображается как человек с высоким уровнем эмпатии, стремящийся к улучшению жизни других. Террористы же часто изображаются как более изолированные личности, движимые ненавистью или жаждой мести. Их действия могут быть обусловлены травматическим опытом или чувством безнадежности, а также мотивированы глубокими внутренними конфликтами и травмами.

Социальный статус также играет важную роль в формировании этих персонажей. Революционеры могут происходить из разных слоев общества – от интеллигенции до рабочих масс. В отличие от них, террористы зачастую представляют собой маргинализованные группы или индивидов, которые чувствуют себя отчужденными от общества.

**Терроризм в массовой литературе: анализ классических произведений
«Алый первоцвет» и «Овод» как основы
для зарождающегося жанра террористического шпионского романа**

В литературоведении жанр шпионского романа традиционно ассоциируется с элементами приключения, интриги и политической конспирологии. Однако с возникновением новых угроз, таких как терроризм, этот жанр подвергся значительным трансформациям. Современные авторы начали интегрировать в свои произведения элементы социальной критики и анализа политических реалий, что привело нас к небезосновательному предположению о формировании нового субжанра шпионского романа – *террористического шпионского романа*.

В литературоведении термин «терроризм» часто используется для обозначения насильственных действий, направленных на запугивание населения или изменение политической структуры. В контексте массовой литературы терроризм может быть представлен как средство достижения политических целей, что делает его важным элементом сюжета и характеров. Массовая литература отражает общественные страхи и надежды, формируя восприятие терроризма в сознании читателей.

Роман «Алый Первоцвет» [21], написанный баронессой Эммой Орци в 1905 г., является ярким примером приключенческого произведения, в котором элементы терроризма и шпионажа переплетаются. Действие романа разворачивается во время Французской революции, когда британский аристократ, сэр Перси Блейкни, действующий как роялист, становится частью подпольной борьбы против революционного режима. В этом отношении можно утверждать, что Орци создала образ шпиона, который использует методы обмана и манипуляции для достижения своих целей. Персонажи Орци воплощают идеализируемые черты аристократического героя, который противопоставит террорам и насилию революционного времени. Таким образом, роман можно рассматривать как предшественника современного террористического шпионского романа, где личные мотивы и политические цели переплетаются.

В отличие от «Алого Первоцвета», роман «Овод» [8], написанный Этель Войнич в 1897 г., фокусируется на деятельности революционной организации в Италии первой половины XIX в. Главный герой, Артур Бертон, вовлечен в подпольную борьбу против австрийского правления. В этом произведении терроризм представлен как форма сопротивления угнетению, где насилие становится средством борьбы за свободу. Революционно-романтический роман «Овод» демонстрирует сложные моральные дилеммы, с которыми сталкиваются персонажи, что подчеркивает многогранность понятия терроризма в контексте борьбы за идеалы. Таким образом, роман Войнич также может быть интерпретирован как предшественник террористического шпионского романа, где личные и политические интересы героев становятся движущей силой сюжета. Оба произведения представляют собой важные вехи в развитии жанра шпионского романа, который впоследствии будет активно использовать элементы террористической деятельности. Справедливо отметить, что жанр шпионского романа эволюционировал от простых приключенческих сюжетов к более сложным нарративам, включающим элементы психологической драмы и социальной критики.

Следует отметить, что в обоих произведениях наблюдается использование стереотипов о террористах и шпионах, что формирует определенные ожидания у

читателя. Эти стереотипы становятся основой для дальнейшего развития жанра, который впоследствии будет включать более сложные и многогранные образы.

По нашему мнению, произведения «Алый Первоцвет» и «Овод» действительно могут считаться основой для зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа*. Они представляют собой важные примеры того, как литература может отражать социальные и политические реалии своего времени, формируя восприятие терроризма и шпионажа в сознании читателей. Исследование этих контекстов открывает новые горизонты для дальнейшего анализа взаимодействия литературы и социальных явлений.

Статус «революционера» и «террориста» в шпионском романе

Шпионский роман как жанр представляет собой уникальную площадку для исследования динамики персонажей, в частности, революционеров и террористов. В контексте данного жанра возникает вопрос о том, повышается ли статус этих персонажей на протяжении произведения, если в их образах преобладают признаки эпосного героя. Эпосный герой традиционно характеризуется такими признаками, как высокие моральные качества, выдающиеся способности и стремление к достижению значимых целей. В соответствии с определениями, предложенными М. М. Бахтиным, эпосный герой воплощает коллективные идеалы и ценности своего времени. «Эпический человек лишен всякой идеологической инициативы (лишены ее и герои, и автор) [4]. В шпионском романе подобный герой может быть представлен как революционер или террорист, чьи действия становятся отражением более широких социальных и политических конфликтов.

Революционеры в шпионских романах часто изображаются как борцы за справедливость, чьи действия направлены на свержение угнетающего режима. Примером может служить роман «Тень ветра» испанского писателя Карлоса Руиса Сафона, где главный герой становится символом сопротивления [23]. На протяжении произведения его статус повышается благодаря его моральным выборам и готовности жертвовать собой ради блага общества. Это соответствует концепции эпосного героя, который действует в интересах коллектива.

Важно отметить, что статус революционера может трансформироваться от простого борца до символа надежды и перемен. Такая трансформация происходит через осознание героем своей роли в историческом процессе и принятие на себя ответственности за последствия своих действий. Это позволяет читателю воспринимать его как эпосного героя, чьи действия имеют глубокие исторические корни. В отличие от революционеров, террористы в шпионских романах часто изображаются с более сложной моральной структурой. Например, в романе Джона Апдайка «Террорист» (2006) [2] главный герой становится жертвой обстоятельств, что позволяет читателю увидеть его не только как злодея, но и как человека, движимого идеалами. Такой подход может привести к повышению статуса террориста, особенно если его действия обоснованы личными трагедиями или социальными несправедливостями.

Впервые на страницах художественного произведения террориста-романтика, который разуверился в верности своих действий и суждений, представил русский писатель и драматург Леонид Андреев. Его повесть «Тьма» (1907) описывает путь исключительной личности, романтизированного террориста по имени Алексей, сосредоточенной на трансформациях жизни – максимальном улучшении окружающего мира. Прототипом главного героя выступил член партии эсеров, инженер, политический деятель и бизнесмен Петр Рутенберг, фигурировавший в качестве главного

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ...

подозреваемого в деле об организации так и нераскрытого политического убийства (1906) политика, руководителя Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга, бывшего священника Георгия Гапона [1].

Понятия «революционер» и «террорист» могут пересекаться в контексте шпионского романа, когда оба типа персонажей начинают восприниматься как герои своих историй. Это происходит благодаря созданию многослойных образов, которые позволяют читателю сопереживать их внутренним конфликтам и мотивациям. На протяжении повествования в шпионском романе статус как революционера, так и террориста может повышаться за счет их трансформации в «эпосных героев». Однако пути этой трансформации различаются. Революционер чаще всего начинает с позиций жертвы угнетения и постепенно становится символом борьбы за свободу. В то время как террорист может начать с позиций насилия и агрессии, но в процессе повествования его образ может обретать человеческие черты благодаря раскрытию его внутреннего мира. Таким образом, можно утверждать, что шпионский роман предоставляет возможность для переосмысления традиционных представлений о героях. Этот жанр позволяет авторам размывать границы между добром и злом, что способствует повышению статуса персонажей на основе их действий и моральных выборов.

Морально-нравственная сторона революционной деятельности в художественной литературе

В контексте изучения литературы, отражающей социальные и политические изменения начала XX в., морально-нравственная сторона революционной деятельности является одной из наиболее дискуссионных тем. В целом, литература этого периода представляет собой уникальное явление, в значительной степени обусловленное историческими событиями, такими как революции и войны. Эти события не только политизировали литературное творчество авторов, но и способствовали формированию новой личности, отражая изменения в сознании и восприятии мира. В условиях политической нестабильности и борьбы против репрессивных режимов, авторы массовой литературы формируют образы революционеров, которые, несмотря на свои благие намерения, часто прибегают к насилию и террористическим методам.

Одной из ключевых тем, пронизывающих произведения этого периода, является моральная дилемма, с которой сталкиваются молодые люди, вдохновленные идеями революции. Многие из них, будучи очарованными революционным духом, начинают оправдывать насильственные методы борьбы. Литература становится катализатором этих процессов, формируя у молодежи представление о том, что ради достижения высоких целей допустимы любые средства. Это явление можно проследить в произведениях таких авторов, как Максим Горький [9] и Антон Чехов [25], где персонажи часто находятся в состоянии внутреннего конфликта между своими моральными устоями и революционными идеалами.

Революции и войны XX в., включая Первую и Вторую мировые войны, Гражданскую войну в России, а также различные национально-освободительные движения, создали условия для переосмысления человеческой идентичности. В рамках идеологических конфликтов литература стала важным инструментом для осмысления новых реалий. Как отмечает М. М. Бахтин, литература всегда является отражением социокультурного контекста [3], что подтверждает значимость исторического фона для анализа литературных произведений.

Одним из ключевых событий в истории Европы, оказавшим значительное влияние не только на политическую, но и на культурную жизнь континента, является Великая Французская революция (1789–1799). Этот исторический процесс стал источником вдохновения для множества писателей, которые, в свою очередь, отразили в своих произведениях как идеалы революции, так и ее противоречия. Великая Французская революция стала катализатором изменений в общественном сознании и выступила важным фактором формирования новых идеалов свободы, равенства и братства. Революционные идеи проникали в литературу, вызывая бурное обсуждение и переосмысление существующих норм. В этом контексте следует выделить таких авторов, как Виктор Гюго, Шарль Бодлер и Альбер Камю, чьи произведения стали отражением революционных настроений и стремлений.

В числе наиболее значительных произведений, является «Нанон» [22] Жорж Санд, в котором автор исследует последствия революции для трех сословий дореволюционной Франции. Эти произведения демонстрируют сложность и многогранность образа революционера, который в них представлен как фигура, способная к самопожертвованию ради общего блага. Следует отметить, что последствия революционных действий не всегда соответствовали первоначальным намерениям. В художественной литературе можно увидеть, как идеалы свободы и справедливости оборачиваются жестокостью и террором. Литературные персонажи, стремящиеся изменить мир к лучшему, зачастую становятся жертвами своей же борьбы. Это подчеркивает сложность и многогранность моральных аспектов революционного движения. Революция, как показывает исторический опыт, может привести не только к освобождению от гнета, но и к созданию новых форм угнетения. В этом смысле вопрос справедливости предположения – от революционера до террориста всего лишь один шаг – остается открытым.

В своей речи на VII-ом Всероссийском съезде Советов революционер и бывший Председатель Совета народных комиссаров СССР Владимир Ленин подчеркивает эту условность границ: «Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Это обвинение в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: “Вы сами не верите в такую клевету ... Нам террор был навязан... В нашем идеале нет места насилию над людьми...”» [5].

В фокусе нашего исследовательского внимания также находится угол, под которым рассматриваются действия революционеров. И действительно, тема классового подхода к оценке действий революционного движения в целом на сегодняшний день является предметом оживленных дискуссий. О принципе классового подхода излагает на страницах газеты КПРФ «Родина» ее главный редактор Н. Ф. Бондаренко: «С точки зрения буржуазии, Ленин – преступник страшнее Пугачева. Другой оценки от буржуазии мы не дождемся. Даже будучи мертвым для нее нет страшнее врага, чем Ильич, ибо он угрожает ее существованию и сегодня. А с точки зрения трудящихся Ленин – освободитель от гнета, борец за их интересы. Более того: он – не метеор, вспыхнувший и исчезнувший в пространстве, а путеводная звезда, которая навсегда зажглась на небосклоне человечества» [7].

На страницах художественных произведений революционеры зачастую изображаются как герои, готовые пожертвовать всем ради блага народа. Этот образ формировался в условиях борьбы против колониальных держав и репрессивных режимов, что способствовало возникновению симпатий к ним со стороны широких масс. Молодые люди, проникнутые революционными и национально-освободительными идеями,

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ...

стремились оправдать неприглядную сторону революционного движения. В. Г. Чертков, редактор и издатель произведений Л. Н. Толстого, отмечает: «И вот эти то люди, большею частью из самых добрых и отзывчивых, увлеченные благородными целями и личными достоинствами революционеров, начинают одобрять также и безнравственные приемы революционной борьбы и признавать, вместе с революционерами, что цель оправдывает средства» [24]. Фактически амбивалентность действий инспирированных революционными настроениями людей говорит о том, что с одной стороны, революционер – это борец за свободу, а с другой – потенциальный преступник.

ВЫВОДЫ

Современный литературный ландшафт представляет собой многослойную структуру, в которой жанры взаимопроникают и эволюционируют в ответ на социальные и политические изменения, образуя новые формы. С нашей точки зрения, одной из таких форм может выступать субжанр шпионского романа – *террористический шпионский роман*. Как мы предполагаем в нашем исследовании, *террористический шпионский роман* является развитием приключенческих шпионских романов, в которых активно используется тематика терроризма и политического революционного террора. В нашей работе была предпринята попытка проанализировать эту взаимосвязь, и также выяснить, каким образом персонажи – шпионы и террористы – становятся ключевыми фигурами, позволяющими различать революционное движение и терроризм.

Террористический шпионский роман представляет собой субжанр, в котором переплетаются элементы приключения, социальной критики и политической аналитики. Понимание различий между революционным движением и терроризмом возможно только через призму героев произведений массовой литературы. Анализируя их действия и мотивы, читатели могут получить более глубокое понимание актуальных социальных и политических вопросов. Это подчеркивает значимость литературного анализа как инструмента для осмысления современного мира. Анализ социокультурных и политических аспектов термина «терроризм» в шпионских романах позволяет сделать вывод о том, что массовая литература не только отражает актуальные проблемы современности, но и формирует представления о них в сознании читателей. В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов, связанных с терроризмом, важно продолжать исследование данного феномена в литературе для более глубокого понимания его влияния на общество.

Различия между революционером и террористом в массовой литературе являются многогранными. Цели и методы их действий, идеологические установки, психотипы и социальный статус формируют уникальные образы каждого из них. В то время как революционеры стремятся к улучшению общества через массовое движение, террористы используют насилие для достижения узких целей. Таким образом, исследование этих двух фигур позволяет глубже понять не только литературные нарративы, но и социальные реалии, с которыми они связаны.

Статус революционера и террориста в шпионских романах может значительно повышаться на протяжении произведения при наличии признаков эпического героя. Этот процесс происходит через трансформацию персонажей и их моральные выборы, что позволяет читателю воспринимать их как более сложные и многослойные фигуры. Таким

образом, шпионский роман становится платформой для детального анализа социальных и политических конфликтов, а также для переосмысления традиционных представлений о героях.

В ходе нашего исследования мы также пришли к выводу, что такие художественные произведения, как приключенческий роман «Алый Первоцвет» Эммы Орци и революционно-романтический роман «Овод» Этель Войнич действительно могут считаться основой для зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа*. Они представляют собой важные примеры того, как литература может отражать социальные и политические реалии своего времени, формируя восприятие терроризма и шпионажа в сознании читателей. Исследование этих текстов открывает новые горизонты для дальнейшего изучения взаимодействия литературы и социальных явлений.

Исследование морально-нравственной стороны деятельности революционеров в художественной литературе позволяет лучше ориентироваться в социальных процессах. Образ революционера как героя и антигероя отражает противоречивую природу человеческой борьбы за справедливость. Литература становится не только зеркалом общества, но и мощным инструментом формирования общественного сознания, вдохновляя молодое поколение на активные действия. Однако благие намерения могут быть искажены в процессе реализации, что подчеркивает необходимость критического осмысления исторических событий и их художественного отражения. Революционная деятельность может рассматриваться как проявление терроризма в современном понимании этих понятий, особенно в контексте массовой литературы. Массовая литература играет значительную роль в формировании общественного мнения о революции и терроризме, создавая сложные нарративы, которые отражают страхи и надежды общества. Дифференциация понятий «революционер» и «террорист» заключается в их целях, методах и моральных основаниях действий. Революционеры стремятся к социальным изменениям в ответ на притеснение, тогда как террористы используют насилие как средство достижения своих целей, нередко пренебрегая моральными нормами. В нашем исследовании мы изучили динамику, связанную с этими понятиями, способствующую более осознанному восприятию исторических и современных конфликтов. В конечном итоге, вопрос о том, где проходит граница между революцией и терроризмом, остается открытым для дальнейшего изучения.

В заключение следует отметить, что шпионский роман с элементами террора представляет собой сложный и многогранный жанр, в котором главные герои могут быть одновременно террористами и революционерами. Это открывает новые горизонты для исследования и формирования современного субжанра *террористического шпионского романа*. Учитывая текущие мировые тенденции и вызовы, такие произведения могут стать важным инструментом для анализа социальных и политических процессов, а также способствовать более объективному пониманию природы человеческой морали в условиях конфликта.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Избранное. – М.: Профиздат, 2010. – 368 с.
2. Андайк Дж. Террорист. – М.: АСТ, 2009. – 320 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Эксмо, 2017. – 640 с.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). – СПб. : Азбука, 2000. – 298 с.
5. Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Политическая сущность международного терроризма. – Москва: Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, 2021. – С. 99–108.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ...

6. Бернгард А. Стратегия терроризма. – Варшава, 1978. – 23 с.
7. Бондаренко Н. Ф. Принципы защиты В. И. Ленина // «Родина». – 21.04.2016. – № 15. – С. 1.
8. Войнич Э. Овод. – М.: Вече, 2022. – 384 с.
9. Горький М. Жизнь Клима Самгина. – М.: АСТ, 2022. – 1440 с.
10. Гуторов В., Ширинянц А. Терроризм и революция. – П.: Репозиторий Университета имени Адама Мицкевича в Познани, 2018. – С. 235 – 247.
11. Дмитриев А. И., Максимов А. В. Теоретические основы терроризма. Определение экономического ущерба при оценке эффективности общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 1. – С. 13 – 18.
12. Иноземцев В. Л. Повторенье мать ученья // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – 196 с.
13. Калиниченко К. Передача «Резонер» // радио «ПЛН FM» (102.6 FM). – 2025.
14. Коллинз С. Голодные игры. – М.: АСТ, 2020. – 384 с.
15. Ленин В. И. О большевиках. Речь на VII-ом Всероссийском съезде Советов // ПСС. Т.39. – 5-е изд.. – М.:, 1919. – 404 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Азбука, 2023. – 384 с.
17. Махмудов Р. М. Социокультурные предпосылки терроризма в современной социокультурной ситуации мирового сообщества. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2021. – Том 13, № 2. – С. 115-122.
18. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
19. Норец М. В. Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования // Культура народов Причерноморья Филологические науки. – 2014. – № 267– С. 188-193.
20. Оруэлл Дж. 1984. – М.: Галерея классики, 2023. – 416 с.
21. Орци Э. Альый Первоцвет. – М.: Рипол-Классик, 2020. – 320 с.
22. Санд Ж. Нанон. – М.: Художественная литература, 1999. – 375 с.
23. Сафрон К. Тень ветра. – М.: АСТ, 2023. – 480 с.
24. Чертков В. Г. О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? – Англия: Свободное слово, 1904. – 53 с.
25. Чехов А. П. Рассказ неизвестного человека. – М.: RUGRAM, 2011. – 60 с.

References

1. Andreev L. N. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Profizdat Publ., 2010. 368 p.
2. Apdajk Dzh. *Terrorist* [The Terrorist]. Moscow, AST Publ., 2009. 320 p.
3. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 640 p.
4. Bahtin M. M. *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana)*. [Epic and Novel (Towards a methodology for the study of the novel)]. St. Petersburg, Azbuka, 2000. 298 p.
5. Berladir Yu. V., Harichkin I. K. *Politicheskaya sushchnost' mezhdunarodnogo terrorizma* [The political nature of international terrorism]. Moscow, Institut mezhdunarodnyh otnoshenij i socialno-politicheskikh nauk Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2021, pp. 99–108.
6. Bergard A. *Strategiya terrorizma* [Strategie of terrorism]. Warsaw, 1978. 23 p.
7. Bondarenko N. F. *Principy zashchity V. I. Lenina* [Principles of defending V. I. Lenin]. «Rodina», 21.04.2016, no 15, pp. 1.
8. Vojnich E. *Ovod* [The Gadfly]. Moscow В Veche, 2022. 384 p.
9. Gorkij M. *Zhizn Klima Samgina* [The Life of Klim Samgin]. Moscow, AST, 2022. 1440 p.
10. Gutorov V., Shirinyanc A. *Terrorizm i revolyuciya* [Terrorism and Revolution] – Poznan, 2018, pp. 235–247.
11. Dmitriev A. I., Maksimov A. V. *Teoreticheskie osnovy terrorizma. Opredelenie ekonomicheskogo ushcherba pri ocenke effektivnosti obshchegosudarstvennoj sistemy protivodejstviya terrorizmu*. [Theoretical foundations of terrorism. Assessing economic damage in evaluating the effectiveness of the national counter-terrorism system]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, 2017, no 1, pp. 13–18.

12. Inozemcev V. L. *Povtorenie mat ucheniya* [Repetition is the mother of learning]. *Svobodnaya mysl'*, 2008, no 11. 196 p.
13. Kalinichenko K. *Peredacha «Rezoner»*. *Radio «PLN FM» (102.6 FM)*, 2025.
14. Kollinz S. *Golodnye igry* [The Hunger Games]. – Moscow, AST Publ., 2020. 384 p.
15. Lenin V. I. *O bolshevikah. Rech na VII-om Vserossijskom sezde Sovetov* [Role of the Bolsheviks. Speech on VII All-Russian Congress of Soviets]. *PSS*. Vol. 39. 5-th ed. Moscow, 1919. 404 p.
16. Marks K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [The Communist Manifesto]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 384 p.
17. Mahmudov R. M. *Sociokulturnye predposylki terrorizma v sovremennoj sociokulturnoj situacii mirovogo soobshchestva* [Sociocultural preconditions of terrorism in the modern global sociocultural context]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2021, Vol. 13, No 2, pp. 115-122.
18. Norets M.V. *Detektivnyj i shpionskij roman: «kletohnaya» model' zhanroformirovaniya* [Detective and spy novel: the "cellular" model of genre formation]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Filologicheskie nauki*, 2014, no 267. pp. 188-193.
19. Norets M.V. *Genezis zhanra shpionskogo romana v anglijskoj literature: monografiya* [The genesis of the spy Novel genre in English literature: a monograph]. Simferopol', Biznes-inform, 2014. 364 p.
20. Oruell Dzh. *1984* [1984]. Moscow, Galereya klassiki Publ., 2023. 416 p.
21. Orci E. *Alyj Pervocvet* [The Scarlet Pimpernel]. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2020. 320 p.
22. Sand Zh. *Nanon* [Nanon]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1999. 375 p.
23. Safon K. *Ten vetra* [The Shadow of the Wind]. Moscow, AST Publ., 2023. 480 p.
24. Chertkov V. G. *O revolyucii. Nasilstvennaya revolyuciya ili hristianskoe osvobozhdenie?* [Violent Revolution or Christian Liberation?]. England, Svobodnoe slovo Publ., 1904. 53 p.
25. Chekhov A.P. *Rasskaz neizvestnogo cheloveka*. Moscow, RUGRAM Publ., 2011. 60 p.

EVOLUTION OF THE IMAGES OF "REVOLUTIONARY" AND "TERRORIST" IN SPY PROSE: TOWARDS THE QUESTION OF A NEW GENRE HYBRIDIZATION

Norets M. V., Solodilova V. V.

This article explores the transformation of key figures of political violence — the «revolutionary» and the «terrorist» – in popular literature. Contemporary popular fiction, particularly the spy novel, serves as a unique platform for examining complex social and political phenomena. In recent decades, there has been a noticeable surge of interest in themes of terrorism and revolution, necessitating a reevaluation of traditional spy genre narratives. The study traces the diachronic evolution of these archetypes: from the romanticized heroes of 19th-century adventure prose (e.g., «The Scarlet Pimpernel» by E. Orczy) to the complex antiheroes of modern spy novels with terrorist themes (e.g., «Terrorist» by J. Updike). The article examines whether adventure spy novels incorporating elements of terror could serve as the foundation for the emerging genre of the *terrorist spy novel*. The author argues that adventure novels featuring revolutionary figures (e. g., «The Gadfly» by E. Voynich, «Scaramouche» by R. Sabatini) acted as a bridge between traditional spy fiction and the new subgenre of *terrorist spy fiction*, where the terrorist occupies a central role in the plot. The study employs a comparative analysis of the sacrificial motives of revolutionaries and the fanaticism of terrorists, applying a historical-ideological approach to shifts in ideological paradigms. This allows the author to categorize established literary models of the «revolutionary» and the «terrorist» into two poles: the ethical (struggle for an ideal) and the pragmatic (violence as a tool). The core of the research lies in reinterpreting the genesis of the spy genre through the lens of political violence.

Keywords: popular literature, hero archetype, revolution, revolutionary, terrorism, terrorist, spy novel.